

Т. Ю. МИРОНОВА

ПУТИ И ФОРМЫ ТРАНСФОРМАЦИИ СОЛЯРНОЙ СИМВОЛИКИ В ПОЭТИЧЕСКОМ МИРЕ М. КУЗМИНА

Среди устойчивых символов в поэтическом мире М. Кузмина особое место занимает солярная символика. Повышенный интерес М. Кузмина к солярной образности оказался органично вплетенным в общий контекст религиозно-философских исканий эпохи.

Солярная символика имеет богатую историю, она впитала в себя многолетний опыт мифологического сознания и культурных парадигм разных народов. Особо присуща солнечная доминанта египетской и индоевропейской мифологическим традициям. Отголоски архаических и мифологических представлений о солнце до сих пор явственно проявляются в литературах разных народов.

Генетически солярная символика М. Кузмина восходит к египетской мифологии. Недолгое пребывание в Египте в 1896 г. помогло поэту «на долгие годы полностью погрузиться в мир как древнего Египта, так и античной Александрии, создав удивительно полную картину быта, нравов, обычаев, традиций этого блаженного города, столь соблазнительного для поэтов» [2, с. 13].

В наибольшей степени это касается сборника «Сети», вышедшего в апреле 1908 г. в московском символистском издательстве «Скорпион».

Солнце в стихах, составляющих сборник, выступает в трех ипостасях (утреннее, полуденное и вечернее солнце), что соотносится с соответствующими солнечными богами в Древнем Египте. Солнце переправляется по небесному океану: на рассвете это юный бог Хепри, в зените – Ра, солнечный бог в расцвете сил, на закате – бог-старец Атум. Если Атума обычно изображали в облике человека, то Хепри – в виде скарабея. «Как олицетворение восходящего солнца, он был тождествен Атуму – заходящему солнцу и Ра – светящему днем. Придаваемый ему облик скарабея был связан с убеждением, что этот жук способен размножаться сам по себе, отсюда его божественная созидательная сила. А вид скарабея, толкающего впереди себя свой шар, подсказал египтянам образ бога, катящего солнце по небу» [6, с. 21—22].

В сборнике «Сети» семантика солнечных символов связана с любовной тематикой («Целый день», «Мы проехали деревню, отвели нам отвода...», «О, быть покинутым — какое счастье!..», «Вечер») и темой дороги, пути (раздел «Радостный путник»). В цикле «Александрийские песни», стихо-

творения которого принесли поэту первый читательский успех, солярных знаков гораздо больше, чем в любом другом разделе «Сетей». В «Александрийских песнях» главенствующую роль занимает бог полуденного солнца Ра. Жрецы Гелиополя («Город Солнца» (древнеегипетский Иуну) – один из древнейших городов Египта, центр культа бога Ра) создали свою версию возникновения мира, объявив его создателем бога солнца Ра. «Имя Ра присоединили к именам Атума и Хепри в эпоху Древнего царства» [6, с. 18].

В стихотворении «Солнце-солнце...» поэт использует не только египетскую, но и древнегреческую мифологическую образность. Дело в том, что древние греки отождествляли Ра с Гелиосом. В «Сетях» упоминаются лишь те египетские боги, которые имеют «эквивалент» в греко-римской мифологической традиции. С. Корниенко считает, что «подобный принцип удвоения (иногда утроения) мифологических ролей необходим не только для придания мистерии вселенского (метакультурного) характера, но и является надежным базисом „продления настоящего“, а следовательно, формирования мифологического времени» [4, с. 62]. Прежде всего, поэт художественно воплощает мифологическое представление о солнце как о всеобщем организующем начале.

Солярная символика четвертого раздела «Александрийских сетей» – «Мудрости» – носит иное семантическое наполнение. Символика солнца присутствует во всех пяти стихотворениях раздела (сама словоформа «солнце» встречается здесь 9 раз), причем в каждом отдельном случае затрагивается определенная философская проблема (вопрос о быстротечности жизни, тленности всего существующего в стихотворении «Что ж делать...»), тема цельности, единства и красоты окружающего мира – в стихотворении «Как люблю я, вечные боги...» и т. д.).

Солярная символика в последующих поэтических сборниках М. Кузмина носит несколько иной характер. Здесь по-прежнему присутствуют культурные связи и параллели, но М. Кузмин уже ориентируется не на одну мифологическую традицию, магистральное направление заменяется несколькими, порой не связанными друг с другом. Отсюда и сам принцип компоновки сборников: по свидетельству Л. В. Аносовой, «есть намеки на то, что поэтические книги М. Кузмина создавались непроизвольно, чуть ли не случайно», а в мемуарах Г. Иванова «Петербургские зимы» приводится характерный эпизод: когда на вопрос автора воспоминаний, включать ли какое-то стихотворение в книгу или нет, М. Кузмин отвечает: «Почему же не включать? Зачем же тогда писали? Если сочинили – так и включайте...» [3, с. 103].

В сборнике «Осенние озера» солярная образность сплетается с мотивами любви-страсти и смерти. Так, в стихотворении «Не верю солнцу, что

идет к закату...» можно найти отражение мифологических представлений о том, что «закат не считается „смертью“ Солнца. <...> Солнце обладает исключительным правом проходить через преисподнюю, не будучи в состоянии смерти» [7, с. 137]:

Когда придешь ты в светлую долину,
Узнаешь там, как тот, кто ждет, полюбит.
Любви долина – не долина смерти.
Ах, нет для нас печального заката:
Где ты читал, чтоб страсть пошла на убыль?
Кто приравнять ее бы мог отливу?..

[5, с. 141]

«Солярная» тематика продолжена М. Кузминым в книге «Вожатый», представляющей собой в структурном отношении собрание «поэтических текстов, в большинстве случаев безымянных, связанных внутренними лейтмотивами, образной системой, реже ритмикой и размером» [1, с. 15]. Символика солнца здесь имеет христианские истоки. Так, в стихотворении «Еще нежней, еще прелестней...» поэт рисует приход весны, который знаменует собой пробуждение от «сонной, косной суеты» [5, с. 313]. Но антураж этого пробуждения не языческий. Весна как время возрождения проецируется на христианскую Пасху – светлое Христово Воскресение – как символ воскресения и веры. Лирический герой, обращаясь к Господу, смотрит на солнце «умилненный», т. е. следует христианской традиции, ведь «сам Господь, как источник всякого света, блага и блаженства, образно называется в Св. Писании солнцем» (Пс. 83:12).

Традиция переплетения различных религиозно-философских традиций в поэтическом творчестве М. Кузмина находит продолжение в стихотворении «Солнце-бык». В египетской мифологии бык – посвящение богу солнца Ра, который изображался в виде небесного быка. Кроме того, бог плодородия Апис в Египте представлялся как бык с солнечным диском между рогов, а в Древней Греции бык посвящался Гелиосу (опять-таки «солнечному» божеству). Исходя из вышесказанного, можно выделить два смысловых компонента, содержащихся в мифологеме «бык», – это «плодородность» и «солярность». То есть мы имеем дело с символом, полисемантическим по своей природе.

Таким образом, М. Кузмин в своем творчестве умело соединил различные культурные эпохи. Своеобразным звеном в этом временном и культурном многообразии стала солярная символика. Способность поэта легко переносить читателя из одного временного измерения в другое, нанизывать культурные символы, создавая тем самым неожиданные эффекты, поразила еще современников.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аносова Л. В.* Архитектоника и поэтика лирических циклов в книгах стихов М. Кузмина 1910-х годов: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. – Москва, 2008.
2. *Богомолов Н. А.* Любовь – всегдашняя моя вера // Кузмин М. Стихотворения. – Санкт-Петербург, 2000.
3. *Иванов Г.* Петербургские зимы. Собр. соч.: в 3 т. – Москва, 1994.
4. *Корниенко С. Ю.* В «Сетях» Михаила Кузмина: семиотические, культурологические и гендерные аспекты. – Новосибирск, 2000.
5. *Кузмин М.* Проза и эссеистика: в 3-х т. – Москва, 2000.
6. *Литинская Я.* Мифология Древнего Египта. – Москва, 1983.
7. *Элиаде М.* Избранные сочинения. Очерки сравнительного религиоведения. – Москва, 1999.